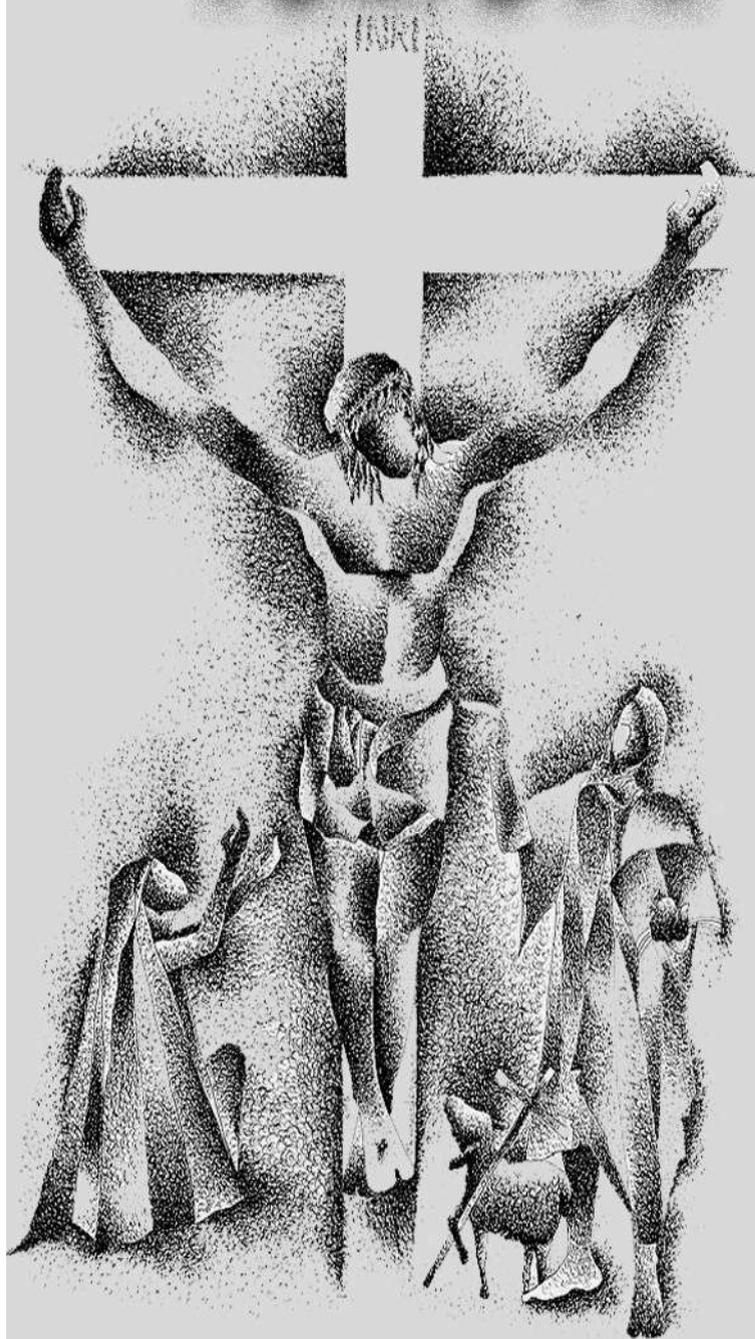

Владимир ЧУГУНОВ

с. Николо-Погост, Нижегородская обл.

ГОЛГОФА

*«Егда славнии ученицы на умовении вечери
просвещахуся, тогда Иуда злочестивый
сребролюбием недуговав омрачашеся,
и незаконным судиям Тебе
праведного Судию предает...»*

*Павел знал этот тропарь наизусть
и по привычке повторял в уме каждое слово,
но тут с ним случилось то, что бывало не раз
и прежде, — творческое воображение
незаметно погрузило его в глубину
двухтысячелетней истории.*

*В пастушеские времена,
когда Павел пас общественное стадо
и по примеру Серафима Саровского
в течение всего пастушеского сезона
еженедельно одолевал четыре евангелия,
ему не раз приходилось следовать
воображением за описываемыми событиями,
в очередной раз переживая
величайшую трагедию мира.*

* * *

За день до этого события пришедшему в Вифанию Иисусу было предложено угощение в доме Симона прокажённого. И хотя законом запрещалось общение с прокаженными, Симон к тому времени больным не являлся, будучи исцелённым Иисусом, и прозывался так по привычке. В знак благодарности за исцеление он уговорил Марфу с Марией предоставить возможность принять Благодетеля у себя.

Сёстры не могли ему в этом отказать, оставив за собой привычную обязанность приготовления пищи и служения в течение вечера. И воскрешённый Лазарь был одним из возлежащих. Душа его, в течение четырёх суток объятая безысходным мраком, была исполнена безграничной преданности Владыке жизни и смерти.

В середине вечера от переполнявшей сердце радости за воскрешённого брата, совершенно забыв о правилах приличия, запрещавших появляться в обществе мужчин с непокрытой головой, Мария вошла с небольшим алавастровым сосудом драгоценного нардового мира в одной руке и медным пестиком для толчения в ступе — в другой. Она подошла сза-

(Фрагмент из романа «Девятый час»)

ди к Иисусу, опустилась на колени, разбила пестиком над Его ногами сосуд и, когда последняя капля упала на ступни, стала отирать их своими распущенными волосами.

Комната наполнилась благоуханием.

Меж тем всё произошло так быстро и, главное, так неожиданно, что ничего, кроме крайнего удивления, о такой, казалось бы, неподобающей событию трате и безрассудности поступка не вызвало ни у кого.

Но лишь один из присутствующих решился высказать это вслух. Будучи единственным из двенадцати учеников жителей пригорода Иерусалима, тогда как остальные жили в Галилее, обегая глазами собравшихся с призывом к поддержке, Иуда Искариот со знанием дела заявил: почему бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Как никто в эту минуту жалел он о том, что такая солидная сумма, из которой, будучи казначеем бродячей общины, часть утаил себе, как делал это прежде, была выброшена, по его мнению, на ветер.

Но Иисус не позволил якобы справедливому негодованию утвердиться в сердцах простодушных учеников, заявив к всеобщему удивлению, что Мария сделала для Него хорошее дело, ибо нищих они всегда будут иметь рядом и, когда захотят, смогут им помочь, а Его — не всегда...

Что показалось обидным в этих словах, можно только догадываться, но именно той ночью Иуда тайно ушел в Иерусалим и, войдя в дом первосвященника, спросил, сколько ему готовы заплатить за предательство «пророка из Назарета».

После непродолжительного совещания ему посулили тридцать серебряных шекелей.

И с этой минуты он стал искать удобного случая.

И вот, наконец, такой случай представился...

Но до всего этого был памятный для всех собравшихся у Симона вход в Иерусалим.

Иерусалим!

Вид его с вершины Елеонской горы в очередной раз поразил идущих на праздник великолепием бело-мраморных колонн. Под ярким солнцем оно ослепительно сверкало сусальным золотом на коронообразном обрамлении плоской крыши скинии храма с четырьмя стороже-

выми башнями по углам и двумя в центре высокой стены, выложенной из белого тёсаного камня. Прилежавшая к храму территория была обнесена ещё более внушительных размеров каменной стеной, одна из которых служила входом в крытую галерею, где торговали жертвенными животными и птицами и которая вела во двор язычников.

Сверху горы хорошо было видно, что двор язычников до отказа забит массой снующего туда и сюда народа, издали это напоминало хаотичное движение муравьёв. К северной части храмовой стены примыкала крепость Антония, в которой стояла большая часть римского гарнизона и находилась претория прокуратора Иудеи.

Со всех сторон храмовую территорию окружали сросшиеся друг с другом многочисленные серые лачуги с плоскими крышами, в которых ютилось простонародье. Местами их заметно раздвигали роскошные дворцы и дома местной знати.

Окружавшая лепившийся на склоне горы Иерусалим стена, то нырявшая в низину, а то взлетавшая вверх, по сравнению с храмовой казалась жалким, кое-как слепленным обрамлением, — на самом деле каждый из сопровождающих Иисуса знал, какими высокими и неприступными были эти стены.

Иерусалим!

Торжественный въезд на молодом ослёнке в сопровождении ликующего народа, который устилал путь своими одеждами и пальмовыми ветвями и восклицал: «Осанна сыну Давидову!» — стал возможным не только из-за воскрешенного Лазаря — подивиться на него к дому Марфы и Марии пришли из Иерусалима многие иудеи. Он стал возможным и благодаря многочисленным чудесам, творимым «пророком из Назарета» на протяжении трёх лет, от которых давно уже отучили народ блюстители Моисеева закона, будто бы утверждавшего, что «из Назарета пророк не приходит».

Иерусалим!

Народ, находившийся у высоких стен, вдоль бегущего по Кедронской долине ручья, возле многочисленных разноцветных паломнических палаток, прибыл на праздник со всех концов света. Люди, завидев спускавшееся с горы вну-

шительное шествие, слышав доносимые набегавшим ветерком торжественные возгласы, какими сопровождали только именитых особ, кинулись навстречу, обламывая или срезая по пути зелёные ветви, а затем, слившись с ликующим потоком, устремились к городским воротам.

Иерусалим!

С городских стен, с крыш домов, из-за железных оконных решёток, из открытых настежь дверей, из подворотен и переулков за втекающим в городские ворота шествием с волнением и тревогой наблюдали сотни любопытных глаз.

— Кто это? — спрашивали друг у друга на узких улицах оттесняемые к стенам домов прохожие, лавочки, базарные торговцы, следившая за порядком римская стража.

И слышали один и тот же ответ:

— Это Иисус, пророк из Назарета галилейского.

Дальше подножия горы Мориа, на которой покоился величественный храм, идти в одежде странника или с запylёнными ногами запрещалось законом, а потому большая часть сопровождавшего торжественное шествие народа рассеялась неподалёку от Сузских храмовых ворот.

Три года назад, в дни празднования первой пасхи, Иисусом был изгнан с прилегающей к Святой святых храма территории жертвенный скот, опрокинуты скамьи с дикими голубями, столы с разменной монетой. И что же? Всё это Он увидел вновь. Однако час был уже поздний, и после беглого осмотра храма Иисус вместе с учениками удалился.

Путь их лежал опять в Вифанию, однако на этот раз не в дом Марфы и Марии, где пришлось бы столкнуться с праздной толпой пришедших поглазеть на Лазаря, а в одно из уединённых мест Гефсиманского сада, где можно было, никого не стесняя и никем не стесняемым, провести ночь в посте и молитве под сенью вековых маслин.

Следующим утром по пути в Иерусалим внимание Иисуса привлекла покрытая пышной листвой смоковница. И хотя время сбора плодов ещё не наступило, на тех сортах, которые созревали поздно, плоды частенько сохранялись до весны. Поэтому Иисус и подошёл к ней в надежде утолить внезапный приступ голода. И, ничего не найдя, обронил со вздохом глу-

бочайшего сожаления, что-де не бывать от неё плодов вовек. К вечеру того же дня считавшаяся блюстителем Моисеева закона символом мудрости смоковница засохнет, оставшись в памяти потомков позорным клеймом бесплодия ветхозаветного Израиля.

По вхождении в «дом молитвы» вооружившийся бичом Иисус принялся изгонять из храма продающих и покупающих, и столы с разменной монетой и скамьи продающих голубей опрокинул, и не позволяя, чтобы через храм пронесли какую-либо вещь.

Воодушевлённый вчерашним торжественным входом народ принялся Ему в этом помогать, но только одни звонкие детские голоса на этот раз возносили осанну «сыну Давида».

Возмущённые таким вопиющим невежеством, торговавшие дикими голубями архиереи приступили к Иисусу с требованием, чтобы Он это безобразие сию же минуту прекратил. Когда же услышали неопровержимое опровержение из писания, потребовали сказать, какую властью Он это делает или кто дал Ему такую власть.

Разумеется, Он даст им на это ответ, но только после того, как они ответят на один вопрос: крещение Иоанна с небес было или от человеков?

С опаской покосившись на окружавшую толпу, архиереи переглянулись, а затем, опустив глаза, поглаживая длинные окладистые бороды, с напускною важностью заявили, что не знают.

И это в то время, когда об этом знал весь народ!

Что ж, тогда и Он не скажет им, какую властью это делает, а всего лишь предложит притчу.

Некий хозяин дома, насадив виноградник и вручив его виноградарям, отлучился. Когда пришло время плодов, хозяин послал за ними своих слуг, но виноградари одного избили, другого убили, третьего камнями побии. Тогда послал хозяин слуг больше прежних, но и с ними поступили так же. В конце концов, послал своего единственного сына, решив, что уж сына-то устыдят. Но виноградари, увидев его, сказали друг другу: это наследник, убьем его, и наследство будет нашим. И, выведя его вон из виноградника, убили.

Итак, как, по-вашему, должен поступить по

возвращении хозяин виноградника? Что вы сказали? Злых виноградарей предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим? Что ж, так тому и быть.

Догадавшись, что речь о них, исполненные лютой ненависти, они принялись подсылать к Иисусу провокаторов, чтобы уловить в слове. Как никто, поднаторели они в подобных делах. Под видом ревности за строгое соблюдение буквы закона они искусно манипулировали текстами священного писания, подавляя всякое разумное толкование в неудобном для себя направлении. И всё для одной и той же цели: убьём наследника — и наследство будет нашим. Ведь если этого не сделать, народ отвернётся от них, и тогда им просто-напросто не на что будет жить. Ни сеять, ни жать, ни молотить они отродясь не умели, просить милостыню после падения с такого Олимпа не позволяло ущемлённое самолюбие. До того они привыкли к знакам почёта, ласкающему слух обращению «равви», дорогим подношениям, роскоши, влиянию при дворе Ирода или прокуратора Иудеи, что лишиться всего этого было равносильно смерти, да ещё из-за Того, Кого они ждали четыре столетия, чтобы своей божественной властью Он уже окончательно утвердил их непререкаемые полномочия. И что же? Он в грош не ставил предписаний «субботы» и в присутствии «проклятого», несведущего в законе народа имел дерзость их обличать.

Для исполнения своего коварного замысла фарисеи даже пошли на соглашение с иродиа́нами, с которыми находились в непримиримой вражде. Говорящие по-гречески царедворцы идумейского князя Ирода, благодаря римскому вмешательству ставшего иудейским царём, — иродиа́не — не были чисто иудейского происхождения, а потому, как и все остальные народы, по мнению блюстителей Моисеева закона, к «избранным» не принадлежали. И тем не менее ревностные исполнители буквы закона и ни перед чем не останавливающиеся политические интриганы из опасения потери земных благ сошлись в лютой ненависти к «пророку из Назарета». Главной целью иродиа́н было сохранение верноподданнических отношений двора Ирода двору императора Тиверия при помощи насильственного подавления притязаний иуде-

ев на обретение государственной независимости. Чтобы стереть в себе национальные черты, иродиа́не переделали свои имена на греческий лад, усвоили языческие обычаи, посещали амфитеатры. Как и другие язычники, они могли подойти к Иисусу, не вызывая подозрения в дурных намерениях, фарисеи же так поступить не могли, а потому послали своих учеников, чтобы те вместе с иродиа́нами разыграли сцену спора между собою.

Они обратились к Учителю с видимостью затруднения в решении якобы очень важного вопроса, мол, уж кто-кто, а они-то прекрасно знают, что Он справедлив и истинно пути Божию учит, не заботясь об угождении кому бы то ни было, а стало быть, непременно даст правильный ответ по поводу того, позволительно или нет давать подать кесарю.

Судя по всему, они ожидали услышать либо «да», либо «нет». И если Учитель скажет «да», народ увидит в Нём сторонника римской тирании и тут же отвернётся от Него, если же скажет «нет», сразу будет причислен к разряду мятежников и предан суду Пилата.

Обступивший их со всех сторон народ, затаив дыхание, ожидал ответа. И ответ незамедлительно последовал.

— Что искушаете Меня, лицемеры? Покажите монету, которой платится подать.

Когда Ему принесли динарий, Иисус спросил, чьё на нём изображение. И, услышав, что кесаря, сказал, чтобы отдавали кесарю кесарево, а Божие — Богу.

Ответ удивил даже самих вопрошателей. И тем не менее не остановил очередной попытки уже со стороны саддукеев, относившихся к «пророку из Назарета» с откровенным презрением. Они рассчитывали поставить Его в затруднительное положение по поводу отрицаемого ими воскресения из мертвых. И в самом деле, считали они, если при жизни семь умирающих друг за другом братьев по закону Моисееву ради продолжения рода имели одну и ту же жену, которого из них она будет женой после воскресения из мертвых? И, судя по всему, потирали руки в предвкушении всенародного посрамления самозваного, как они считали, «пророка из Назарета».

Что же услышали, а в том числе и весь народ?

Они, оказывается, заблуждаются, не зная писаний, потому что сподобившиеся достигнуть того века и воскресения из мертвых не только не женятся и замуж не выходят, но и умереть не могут, ибо равны ангелам и суть сыны Божии, будучи сынами воскресения, поскольку Бог не есть Бог мертвых, но живых.

Таким образом, попытки уловить Иисуса в слове закончились очевидным для всего народа позорным поражением блюстителей Моисеева закона.

Мало того! Следом за этим последовали куда более унижающие их пошатнувшееся в глазах народа положение обличения:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, чтобы обратить хотя бы одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что строите гробницы пророкам и украшаете памятники праведников, и говорите: если бы мы были во дни отцов наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков; таким образом вы сами против себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополняйте же меру отцов ваших.

Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геенну?

Взыщется кровь праведная, пролитая вами на земле, от крови Авеля до крови Захарии, которого вы убили между алтарём и жертвенником.

Иерусалим! Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели! Се оставляется вам дом ваш пуст!

Поздним вечером, утомлённый спорами,

скорбя о вопиющей слепоте и лютой ненависти блюстителей Моисеева закона, Иисус покидал приговорённое к разрушению величественное детище, приведенное в надлежащий вид в дни правления Ирода Великого.

Иисус шёл, никого и ничего не замечая, в то время как ученики, зная о том, что Он ничего не говорит просто так, постоянно оглядывались на храмовое великолепие, на созидание которого было положено столько народной любви, сил и средств.

Догадавшись об этом, Иисус остановился, чтобы тоже взглянуть на храм. Когда же услышал призывающее к жалости: «Господи, смотри, какие здания!» — со вздохом сожаления ответил: «Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне».

Во время привала на вершине Елеонской горы к уединившемуся Иисусу подошли четыре ученика и спросили: когда это будет?

В первую очередь Иисус предостерёг их от прельщения ложными учениями о втором пришествии, ибо многие, сказал, придут под Его именем и многих прельстят. Но они этому верить не должны, ибо надлежит быть и смутам, и войнам, и голоду, и мору, и землетрясениям по местам, и ужасным явлениям, и великим знамениям на небесах, но это ещё не конец, а всего лишь начало болезней рождения нового мира. Кончина же наступит после того, как будет проповедано евангелие всей вселенной.

По поводу разрушения Иерусалима было сказано, что в те дни настанет такая скорбь, какой не было от начала творения. И если бы ради избранных Бог не сократил те дни, не спаслась бы никакая плоть.

Вечером во дворе первосвященника собрались архиереи, книжники и старейшины и постановили на совете взять Иисуса хитростью и убить.

В четверг по обычаю надлежало заклание пасхального агнца. Как и было предречено Иисусом, отправленные для его приготовления двое учеников при входе в город встретили молодого человека, несущего на плече в глиняном кувшине воду. Следом за ним войдя в дом, ученики обратились к сидевшему у окна хозяину — седому старику в чалме:

— Учитель послал нас к тебе спросить, где мы можем вкусить пасху?

Судя по всему, старик не ожидал появления гостей, но тут же согнал беспокойство с худого, изрезанного глубокими морщинами лица, с трудом поднялся и распахнул дверь в просторную, застланную чистым ковром горницу. Старик сказал при этом, что другой комнаты в доме нет и, чтобы им не мешать, они с сыном уйдут вкушать пасху к родственникам. На самом деле это было всего лишь поводом, а так же единственной возможностью избежать наказания за общение с «пророком из Назарета». Отказать ему старик не мог по причине исцеления страдавшего с детства тяжёлым недугом единственного наследника, появление которого на свет было вдобавок ко всему омрачено смертью немолодой жены.

И так само собою получилось, что обязанность хозяина дома Иисусу пришлось возложить на себя, поскольку никому из учеников это даже и в голову не пришло.

Преподавшись длинным полотенцем из грубой ткани, Учитель налил в таз воды и, опускаясь на колени перед каждым из учеников, по древнему обычаю принялся умывать и отирать полотенцем их ноги.

— Тебе ли умывать мне ноги?! — казалось, более всех потрясённый, придержал Его руку Пётр.

— Что делаю, поймёшь после.

— Да не умоешь моих ног вовек!

— В таком случае не будешь иметь части со Мною.

— Тогда — и руки, и голову!

— Для омовения достаточно ног, ибо весь чист...

Посередине ковра располагалось медное блюдо с запечённым пасхальным агнцем, горькими травами, пятью круглыми пышными хлебами. Вокруг блюда были симметрично расставлены два глиняных кувшина с водой и красным виноградным вином, деревянная солонка, лежала перевёрнутая вверх дном одна на всех глубокая чаша для питья.

По приглашающему знаку Учителя пришедшие для вкушения пасхального агнца по обычаю принялись укладываться на бок головою к яствам. Последним рядом с любимым учеником устроился сам Иисус.

В конце вечера после вкушения пасхального агнца с хлебом и горькими травами Иисус впервые совершил то, что до сего дня происходит на каждой «священной трапезе народа Божия». Устами служащего священника вот уже более двух тысячелетий из таинственной глубины алтарей Животворящее Слово приглашает блуждающее впотьмах греха и маловерия любимое творение принять участие в этой «тайной вечери»: «Примите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов».

От лица предстоящих и «находящихся в море далече» клир откликается одинаково звучащим на всех языках мира священным «глаголом»: «Аминь».

И далее: «Пийти от нея вси, сия есть кровь Моя Новаго завета, яже за вы и за мнози изливаемая, во оставление грехов».

И вновь: «Аминь».

После чего от лица всего творения служащий священник обращается к своему Создателю и Творцу: «Твоя от твоих Тебе приносятся о всех и за вся».

А затем облаченной в «узы Христовы» десницей священника хлеб и вино Святым Духом претворяются в «истинное брашно и истинное питие», и в конце литургии преподаются алчущим и жаждущим.

Так это бывает теперь, когда всё давно уже исполнилось и свершилось, а тогда никому из собравшихся в бедной иерусалимской горнице для последнего вкушения пасхального агнца и в голову не могло прийти, что вскоре за всем этим последует. В тот праздничный вечер никто из них ни о чём плохом не думал. У всех, кроме одного, было приподнятое настроение.

Лишь после того, как Иисус обронил, что рука предающего с Ним за одним столом, удивлённые сотрапезники в недоумении переглянулись, не понимая, о ком речь, а затем один за другим стали спрашивать:

— Уж не я ли?

Но эти прямые обращения ясности не внесли, и тогда Симон Ионин незаметно кивнул Иоанну Зеведееву — узнай, мол. И когда тот потихоньку спросил, Иисус так же тихо ответил: тот, кому, макнув в соль, подаст кусок хлеба. И, тотчас опустив хлеб в солонку, протянул Искароту со словами:

– Делай, что должен.

И, тотчас поднявшись, жуя на ходу, Иуда вышел.

А все решили, что Иисус отправил его купить чего-нибудь к праздничному столу.

– Симон, а Симон, сатана просил сеять вас как пшеницу, но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя.

До глубины души огорчённый этими словами, с жаром исключительной преданности Симон заявил, что с любимым Учителем он готов пойти не только в тюрьму, но и на смерть.

Даже после того, как услышал, что и дважды не пропоёт нынче петух, он отречется от своего Учителя трижды, Пётр с присущей ему горячностью продолжал уверять, что этому никогда и ни за что не бывать. И все остальные говорили то же.

А затем, поднявшись с трапезы, следом за Иисусом вышли из дома.

И была ночь. И было тихо. И не было на улицах ни души. Спал мёртвым сном Иерусалим.

Путь их лежал за пределы Иерусалима, в Гефсиманский сад, куда не раз приходили они для молитвы и ночлега.

Стояла полная луна. Свет её серебрил влажную от росы придорожную траву, верхи паломнических палаток у подножия городских стен, поблёскивал в конной сбруе, на поверхности воды бесшумно скользящего по Кедронской долине потока. Перейти пересыхавший в это время года ручей не составляло труда. Далее путь лежал к подножию широко раскинувшегося на склоне Елеонской горы масличного сада, в глубине которого под сенью одной из вековых маслин находилось их укромное место, куда всякий раз приходили они с разрешения хозяина сада.

Оказавшись на месте, большую часть учеников Иисус оставил у подножия маслины, а Симону с сыновьями Зеведея велел следовать за собой.

Отойдя на расстояние брошенного рукою камня, Иисус остановился в тени такой же высокой, широко раскинувшей густые ветки маслины и неожиданно признался, что душа Его скорбит смертельно, и попросил вместе с Ним молиться, а затем, выйдя из тени, опустился на колени.

Свинцовый лунный свет серебрил свежую траву, поблёскивал в трепетавшей от лёгкого ветра влажной листве.

Следом за Иисусом опустились на колени и ученики. Первое время они не только слышали каждое слово произносимой молитвы, но даже видели, как из ночной тьмы выткалось нечто вроде эллипсного тонкого облачка, которое в итоге превратилось в коленопреклонённого ангела, зависшего на вершок от земли у изголовья Иисуса, с неимоверным над собой усилием повторявшего одни и те же слова: «Отче, если это возможно, да мимо идет чаша сия, но не как Я хочу, а как Ты».

Каждый раз после произнесения этих слов Иисус склонял голову до земли, а когда поднимал, с Его лица на залитую лунным светом траву капал кровавый пот.

Первое время следом за Учителем творили поклоны и ученики, но с каждым разом из-за нещадно долившего сна делать это становилось всё труднее и труднее. И тогда, глядя друг на друга, они стали пропускать сначала по одному, потом по два, затем по три поклона, пока не оказались придавленными тяжким сном к земле.

Первым очнулся Пётр, и то лишь от того, что его разбудил Иисус.

Слабым от сильного утомления голосом Он сказал Петру с упрёком:

– И часа вы не могли побдеть со Мною, бдите и молитесь, да не внидите в напасть.

А затем, вернувшись на прежнее место, опять опустился на колени.

Разбуженные Симоном братья встали на колени тоже.

Но и на этот раз их хватило ненадолго. Первое время они ещё слышали: «Отче, если не может чаша сия мимо идти, дабы не пить Мне её, да будет воля Твоя», – и следом за Иисусом касались головами земли. А затем слова молитвы, как бы удаляясь, становились всё тише и тише, а головы всё тяжелее и тяжелее, пока окончательно не приникли к земле.

В очередной раз застав их спящими, Иисус будить их не стал. С безмолвным упрёком постояв над ними, Он вернулся на прежнее место и молился теми же словами, а затем, разбудив их, сказал, чтобы следовали за Ним.

Насилу очнувшись от гипнотического сна,

ученики следом за Иисусом подошли к остальным беспечно спящим и, растолкав их, все вместе направились к выходу.

Навстречу им от подножия горы уже подымалось факельное шествие возбуждённой толпы. По мере приближения обозначался и её пёстрый состав. В свете множества факелов и редких светильников выделялись идущие впереди во главе сотника римские воины и храмовая стража. На многих плечах идущей следом разношерстной толпы блестили кольца.

При входе в сад Иуда сказал сотнику, чтобы хватали того, которого поцелует, и тут же отделился от толпы, чтобы показать этим, что появился с нею в одно время совершенно случайно, а стало быть, имел полное право подойти к Учителю для обычного приветствия под видом позднего возвращения из города, а затем смешаться среди остальных учеников.

Но совершенно неожиданно нос к носу столкнулся с Иисусом.

— Равви?..

— Зачем только ты пришёл, друг мой?

Но «друг» уже оправился от первоначально замешательства и, поцеловав Иисуса, с притворной радостью произнёс слова обычного приветствия:

— Радуйся, Равви!

— Целованием решил предать Сына Человеческого, — сказал Иисус так, чтобы это услышали столпившиеся за спиной ученики, а затем, сделав шаг навстречу приближающейся толпе, крикнул: — Кого ищите?

— Иисуса Назорея!

— Это — Я!

Однако, вместо того чтобы сразу Его схватить, находившиеся впереди римские воины неожиданно отступили назад и пали на землю. Следом за ними повалились все остальные. А затем, вскочив, не понимая, что с ними происходит, как обезумевшие стали хватать первых попавшихся в руки учеников.

Иисус в очередной раз остановил их тем же вопросом. И, услышав тот же ответ, повторил:

— Я уже сказал вам, что это Я. Итак, если Меня ищите, оставьте их, пусть идут.

Воодушевлённый силою Его слова, Пётр выхватил из-за пояса большой нож и ударил им приблизившегося к Иисусу архиерейского раба

и отсёк ему правое ухо. Он уже замахнулся ещё раз, но был остановлен властным повелением вернуть нож на место.

Прикосновением руки водворив болтавшееся окровавленное ухо раба на место, Иисус обратился к очумевшей возбуждённой толпе:

— Как будто на разбойника, вышли вы с мечами и кольями. Не каждый ли день бывал Я с вами в храме, и вы не смели поднять на Меня рук?.. Но теперь ваше время и власть тьмы.

И тогда, оставив Его одного, ученики в страхе разбежались.

Предводительствуемые сотником римские воины вместе с храмовой стражей, связав Иисуса, привели сначала к Анне¹. И хотя этот лукавый саддукей давно уже не исполнял архиерейских обязанностей, тем не менее ещё пользовался неоспоримым авторитетом, умудрившись продержаться на первосвященнической должности около десяти лет. И это несмотря на то, что римляне строго следили за тем, чтобы она не принадлежала длительное время одному и тому же человеку. Мало того, пятеро его сыновей в разные годы побывают на ней, а теперь её исполнял его зять.

Следом за Иисусом к архиерейскому дому пришли и Пётр с Иоанном.

Иоанн был знаком Анне не только потому, что продал ему выделенную отцом часть имения для приобретения дома в Иерусалиме, но ещё потому, что в течение многих лет вместе со старшим братом Иаковом поставлял на архиерейский стол свежую рыбу, и поэтому беспрепятственно вошел во двор. Петру преградили путь в дверях из-за внешнего вида, обличавшего галилейского рыбака.

Заметив, что во дворе нет Петра, Иоанн велел придвернице впустить его. Но та, совершенно не понимая, что этому чужаку тут надобно и вообще, правильно ли она поступает, что пускает его, так, чтобы это слышали все, спросила: уж не один ли он из учеников того Человека будет?

Отводя в сторону глаза, Пётр заявил, что понятия не имеет, о чём она говорит, и подошёл к костру.

¹ Анна (или Анан) — первосвященник с 6 по 15 год по Р. Х.

Услышав вопрос придверницы, гревшиеся у костра архиерейские слуги пристально посмотрели на Петра. Встревоженный этим, Пётр, постояв немного, вернулся к воротам.

И в эту минуту двор огласило пение петуха.

Мимо Петра проходила другая служанка, она неожиданно остановилась и, внимательно осмотрев его с ног до головы, во всеуслышание заявила, что, судя по всему, этот человек был с «пророком из Назарета». Но Пётр в очередной раз сказал, что не знает Его.

Немного погодя приступили к Петру стоявшие у костра.

— Воистину, — сказали они, — ты один из них, и говор твой обличает тебя!

И тогда Пётр стал клясться и божиться, что знать не знает этого Человека.

И в ту же минуту ещё раз пропел петух.

И вспомнил Пётр слова Иисуса, и, выйдя вон, плакал горько.

Анна прекрасно понимал, что не имел никаких законных оснований допрашивать кого бы то ни было в судебном порядке, и тем не менее тут же приступил со своими провокационными вопросами: чему Он учит, много ли у Него последователей, какова их цель, — в самом начале стараясь придать делу политическую окраску.

С достоинством уверенного в своей правоте человека Иисус ответил, что всякий раз учил и в синагогах, и в храме, куда сходятся все иудеи, и тайно не говорил ничего, но, если Анна Ему не верит, пусть спросит у тех, кто это слышал.

Одному из привыкших к раболепству архиерейских слуг такой ответ показался дерзким, и в знак собачьей преданности хозяину он со всей силы ударил Иисуса по щеке:

— Да как Ты смеешь так разговаривать с архиереем!

Иисус перевел удивленный взгляд на взбесившегося раба.

— Если Я сказал плохо, скажи, что именно плохо, а если ничего плохого в моих словах нет, за что ударил Меня?

Обезоруженный сдержанно произнесённым упреком, раб перевёл растерянный взгляд на хозяина, но тот опустил глаза, давая тем понять, что ничего не видел и не слышал, а затем, пони-

мая, что больше ничего не добьётся, отдал распоряжение отвести Иисуса к Каиафе.

Поскольку они с зятем жили через общий двор, переход на сторону действующего первосвященника отнял немного времени.

Несмотря на глубокую ночь, там уже собралась большая часть синедриона. И хотя все собравшиеся давно сговорились убить «пророка из Назарета», обойтись без формального расследования вины всё-таки не могли. Для придания вида законности надлежало собрать свидетельства для утреннего заседания, на котором предстояло вынести окончательный приговор.

Однако по причине спешки процесс с самого начала пошёл не так, как бы им этого хотелось. Представленные вначале свидетели говорили не одно и то же и постоянно путались в показаниях. Мало того, этих показаний было явно недостаточно для вынесения смертного приговора. Наконец явились двое, в один голос утверждавшие, что собственными ушами слышали, что *сей рече могу разорити церковь Божью, и тремі деньми создати ю.*

— Почему ничего не отвечаешь на то, что против тебя свидетельствуют? — выходя из терпения, поднялся со своего почетного места Каиафа и, в очередной раз не получив ответа, прибегнул к судебному заклинанию, применяемому в случае запирательства подсудимого: — Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам: Ты ли Христос, Сын Божий?

— Ты сказал, — последовал незамедлительный ответ, который означал ни больше ни меньше, как «ты справедливо сказал, что Я действительно Христос, Сын Божий». — А потому говорю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных.

Возмущённый «такою дерзостью», Каиафа рванул на груди одежду и, задыхаясь от приступа гнева, заявил:

— Он богохульствует! Зачем нам ещё свидетели? Что вы об этом думаете?

И все сказали:

— Повинен смерти!

А затем все кому не лень принялись бить Иисуса, всякие пакости Ему делать — закрывать полою одежды лицо и со всей силы хлестать по щекам, насмешливо приговаривая при этом:

— А ну угадай, кто ударил Тебя?

Иисус же молчал.

И плевали Ему в лицо, и осыпали самыми отборными ругательствами.

А затем наступило единственное в роде человеческого утро.

Ещё спал Иерусалим, а в архиерейском доме уже собрался весь синедрион, заседанию которого надлежало проходить в храме. Поскольку ворота его запирались на ночь, откладывая дело не позволяло не только нетерпеливое желание довести начатое до конца, но и опасение, что совершаемое беззаконие может натолкнуться на какое-либо препятствие при свете дня. Да и решено уже было всё, оставалось только убедить не присутствовавших на судилище ночью.

— Если Ты — Христос, скажи нам об этом, — приступили к Иисусу с главным вопросом.

— Даже если и скажу, всё равно не поверите и не отпустите Меня, — последовал спокойный ответ, и в очередной раз подвёл черту: — Ныне Сын Человеческий сядет одесную силы и славы Божией!

— Итак, Ты Сын Божий?

— Вы говорите, что это Я.

— Какое ещё нам нужно свидетельство? Ибо мы сами слышали из уст Его!

И, связав Иисуса, привели к Понтийскому Пилату, куда следом за ними стал стекаться со всего Иерусалима возбуждённый мгновенно разлетевшимися слухами любопытный народ.

С тех пор как Иудея, Идумея и Самария вошли в состав римской провинции, у синедриона было отнято право меча. Сохранялось только право суда над виновными в религиозных преступлениях, причём для приведения приговора в исполнение требовалось утверждение прокуратора, после чего осуждённый принародно побивался камнями. Однако на этот раз синедрион намеревался предать Иисуса иной казни из опасения, что побивание камнями на глазах переменчивого народа может вызвать сочувствие к творившему чудеса и ненависть к предавшим Его на казнь, совершаемую за богохульство, которого никто и никогда от Него не слышал.

Судебная палата римских правителей, или

претория, как уже было сказано, находилась в Антониевой крепости. Выложенный из камня, возвышающийся на два метра от земли помост, примыкавший к каменным ступеням, ведущим внутрь претории, служил открытым для всеобщего обозрения местом судебных разбирательств.

Чтобы не оскверниться перед вкушением пасхи, члены синедриона во главе с архиереями, сопровождавшей их челядью и толпой любопытных остановились у начала ступеней. И хотя по закону нечистым являлся тот, кто прикасался к мертвецу или прокажённому, иудеи считали нечистыми всех язычников.

Из снисхождения к их предрассудкам Пилат вышел из претории на помост и с выражением презрительного высокомерия спросил:

— В чём обвиняете этого Человека?

— Если бы Он не был злодеем, мы бы не привели Его к тебе! — был ответ.

«Если вы уже всё решили, тогда зачем притящились сюда?» — подумал Пилат и заявил:

— В таком случае возьмите Его и по закону вашему судите.

И повернулся, чтобы уйти, но был остановлен словесным выражением униженного бессилия перед лицом законного представителя Рима:

— Нам не позволено предавать смерти никого!

«Так вы и это за меня уже решили?» — в очередной раз удивился Пилат и, разведя в стороны руки, посмотрел на них с недоумением, дескать, в чём же это было выражено.

— Мы нашли, — перебивая друг друга, заговорили архиереи, — что Он развращает народ, запрещает давать подать кесарю, называет себя Христом-Царём!

Слово «царь» приобретало значение уголовного преступления, хотя и являлось наглой клеветой. Пилат это прекрасно понимал и в очередной раз не упустил случая указать на ограниченность власти синедриона. Ни слова не говоря, он вернулся в преторию и приказал воину привести Иисуса для личного допроса.

— Так ты Царь Иудейский? — с нескрываемой иронией спросил он Его.

— От себя ли ты это говоришь или другие сказали тебе обо Мне?

— Разве я иудей? Твой род с архиереями предали Тебя мне. Ну, и чего Ты такого сделал?

— Царство Мое не от мира сего.

— Так Ты Царь?

— Ты сказал, что Я Царь. Я для того родился и затем пришёл, чтобы свидетельствовать об истине. Всякий, кто от истины, внемлет Моим словам.

— Что есть истина?.. — с выражением зубной боли на лице обронил Пилат и, не дожидаясь ответа на представлявшийся ему бессмысленным вопрос, вышел на помост и объявил: — Я никакой вины не нахожу в Нём!

Такое заявление было равнозначно обвинению в клевете на невинного человека. В другое время при других обстоятельствах члены синедриона выразили бы благородное негодование, но в настоящую минуту они этого сделать не могли и, скрепя сердце, принялись возводить на выведенного воином из претории на помост на всеобщее обозрение Иисуса новые обвинения. Он на них не отвечал ничего.

— Ты что, не слышишь, сколько против Тебя свидетельствуют? — дивясь такому бездействию, вынужден был обратиться к Иисусу Пилат и, не дождавшись ответа, повторил столпившейся внизу разношерстной толпе: — Я никакой вины не нахожу в этом Человеке!

Архиереи же продолжали настаивать, уверяя, что Он возмущает народ, уча по всей Иудее, начиная от Галилеи и до Иерусалима.

— А-а, так Он галилеянин!

Зная о неприязни прокуратора к галилеянам, члены синедриона рассчитывали возбудить в нём такое же чувство и к Иисусу. Но Пилат пожелал всего лишь примириться с Иродом, а заодно под благовидным предлогом, якобы не желает вмешиваться в дела чужого правления, уклониться от неприятного разбирательства.

Обезглавивший Иоанна Крестителя Ирод Антипа исповедовал иудейскую веру и в это время находился в Иерусалиме. Он слышал об Иисусе, даже какое-то время считал Его воскресшим Иоанном Крестителем и обрадовался Его появлению, «надеясь увидеть от Него какое-нибудь чудо». Но не только чуда, а вообще ни на один из своих вопросов не получил ответа. Меж тем архиереи продолжали возводить обвинения, в глазах Ирода не заслуживающие серьёзного внимания, однако, вместо того чтобы освободить невинного, он приказал в

насмешку облачить Его в белые одежды и отослал к Пилату.

И прокуратору Иудеи уже ничего не оставалось, как только продолжить неприятное судебное разбирательство.

— Вы привели ко мне этого Человека как развращающего народ, — заявил он опять. — И вот я при вас исследовал и не нашёл Его виновным ни в чём том, в чём вы Его обвиняете; и Ирод так же: ибо я послыл Его к нему; и ничего не найдено в Нём достойного смерти. Итак, наказав Его, отпущу.

В то время находился в заключении Варавва, во время мятежа с подельниками совершивший убийство. По обычаю прокуратор отпустил на Пасху одного из находившихся до приведения приговора под стражей, а поскольку понимал, что предали Иисуса из зависти, обратился напрямую к народу:

— Кого хотите, чтобы я отпустил вам: Варавву или Иисуса, называемого Христом?

Пока в разнородной толпе шли переговоры, к Пилату подошёл слуга и сказал:

— Госпожа велела передать тебе, господин, чтобы ты не делал ничего плохого этому праведнику, ибо она сегодня много пострадала за Него во сне.

Наклоном головы Пилат дал понять, что принял просьбу жены к сведению, и слово «праведник» не удивило его, поскольку не слышал о деятельности «пророка из Назарета» ничего предосудительного, а тем более опасного для основ империи.

Заметив замешательство в толпе, Пилат повторил:

— Итак, которого из двух отпустить?

Но архиереи уже успели убедить большую часть толпы, и та откликнулась вразнобой:

— Варавву... равву...

— Каким же образом поступить с Иисусом, называемым Христом?

— Да будет распят!

— Какое же зло сделал Он?

— Да будет распят!

Видя, что поднимается возмущение, Пилат велел принести воды и, умыв руки перед всем сборищем, заявил:

— Невиновен я в крови Праведника сего, смотрите сами.

Причём намеренно назвал обвиняемого «праведником», в надежде на то, что знавший об этом не понаслышке народ одумается. Но этого не случилось.

— Кровь Его на нас и на детях наших! — рявкнуло в ответ.

После этого был отдан приказ увести Иисуса.

И были собраны на месте бичевания внутри претории все свободные от несения службы воины.

И раздели Иисуса донага. И, привязав за руки к вмурованному в каменную стену кольцу, подвергли бичеванию.

Количество ударов зависело от числа принимавших участие в наказании. В изготавливаемые из ремней бичи вплетались острые костяные или металлические штыри, которые при ударе впивались в тело и рвали кожу. Удары наносились методично один за другим. Довольно часто бичуемые теряли сознание и даже умирали.

Но умереть Иисусу под ударами бичей было не суждено.

По завершении бичевания на истерзанное, окровавленное тело Иисуса, едва стоявшего на ногах, накинута алый воинский плащ, нахлобучили на голову сплетённый из колючего терновника венец, сунули в правую руку трость и, становясь перед Ним на колени, с видимостью подобострастия восклицали:

— Радуйся, Царь Иудейский!

И плевали Ему в лицо, и, выхватив из руки трость, били ею по голове. При каждом ударе шипы рвали кожу.

Когда Пилат вышел глянуть на исполнение приказания, жалкий вид Иисуса в воинском плаще, терновом венце, из-под шипов которого сочилась на лицо кровь, ужаснул его. В надежде вызвать такое же чувство в народе, он в очередной раз приказал вывести Иисуса на всеобщее обозрение и, указав на Него рукой, сказал:

— Се Человек!

Мол, это же всего-навсего простой человек.

И народ умолк.

Лишь немногочисленная архиерейская челядь да сами они на этот раз крикнули вразнобой:

— Распни... аспни... Его!

Выходя из терпения, Пилат повторил в очередной раз:

— Возьмите Его вы и распните. Я не нахожу в нём вины.

— Мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим.

Услышав это, Пилат вспомнил просьбу жены и, почувствовав непонятную тревогу, вернулся внутрь претории и приказал воину привести Иисуса.

— Откуда Ты?

Иисус молчал.

— Мне ли не отвечаешь? Или не знаешь, что я имею власть либо распять, либо отпустить Тебя?

Едва шевеля распухшими от множества ударов губами, глядя на Пилата заплывшими от гематом слезящимися глазами, Иисус с трудом произнёс:

— Ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не дано было тебе свыше; поэтому больше вины на том, кто предал Меня тебе.

И с этой минуты Пилат делал всё, чтобы отпустить Иисуса. Усилия прокуратора были столь решительны, что архиереи даже вынуждены были прибегнуть к крайнему средству:

— Еслипустишь Его, ты враг кесарю! Всякий, делающий себя царём, — противник кесарю!

Прекрасно зная подозрительный нрав Тиверия, принимавшего во внимание самые ничтожные доносы на своих наместников, Пилат не рискнул поступиться благополучием ради правосудия и вновь отдал приказ вывести Иисуса на всеобщее обозрение.

— Се Царь ваш! — в отместку на архиерейскую угрозу торжественно объявил он.

Вопль ярости последовал в ответ:

— Распни, распни Его!!!

— Царя ли вашего распну?

— Нет у нас царя, кроме кесаря!

И тогда, отпустив им Варавву, отдал распоряжение о распятии.

Пока шли приготовления, Иисуса переодели в свою одежду.

Звук трубы возвестил о выходе процессии к месту казни. На узких улицах Иерусалима с раннего утра толпился ожидавший развязки народ. Люди были на крышах, наблюдали из окон домов, из открытых дверей, из переулков, но по-

давяющее большинство находилось вдоль ведущей к «судным вратам» мощёной улицы.

Кого тут только не было!

Прибывшие со всех концов света на праздник иудейской пасхи разного рода и звания, исповедующие ту или иную веру, богато и бедно одетые, мужчины и женщины, старики и дети, здоровые и калеки, рабы и господа, сочувствующие, неистовствующие, плачущие, смеющиеся, кричащие, свистящие, улюлюкающие, молчащие, обутые, разутые, сытые, голодные, чернокожие, смуглолицые, желтолицые, белолицые... Все собрались смотреть на казнь Того, о Ком не только слышали, но и видели собственными глазами, совсем недавно внимали Его удивительным речам, были не только свидетелями многих Его чудес, но и сами сподобились исцеления — прокаженные, слепые, сухие, немые, глухие, бесноватые, даже бывшие мертвецы, воскрешённые силою Его слова.

Приговорённых к распятию, волочивших по мощёной улице тяжёлые кресты, сопровождал римский отряд, предводительствуемый поседлым в боях центурионом, архиерейская стража. Следом за ней с подчёркнутой важностью вышагивал Каиафа, справа от него семенил согнутый в три погибели от старости Анна, хватая воздух беззубым ртом, как извлечённая на сушу рыба. За ними следовали остальные члены синедриона, иудейская знать, архиерейская челядь, купцы, лавочники, торговцы и река любопытной черни. За стенами Иерусалима в общий поток влились прибывшие на праздник паломники. Среди разношёрстной толпы тут и там то и дело вспыхивали разговоры, споры и даже стычки, которые пресекались следившими за порядком римскими воинами.

Стоило кому-нибудь выразить мысли вслух:

— Неужели распнут?

И сразу начиналось:

— А ты как думал?

— Ни за что не поверю! Да Он легко может пройти сквозь всю эту толпу, как сделал это, когда Его повели на гору, чтобы сбросить с неё вниз, помните?

— Как не помнить!

— А вот мы сейчас увидим, если Он в самом деле пророк, а не чародей!

— Смерть чародею!

— Или вы Бога не боитесь? Какой Он вам чародей? Моя соседка от одного прикосновения к Его одежде от многолетнего кровотечения исцелилась, а до этого никакие врачи не могли вылечить, никакие лекарства не помогали, а вы — чародей!

— И у нас такое было, и не с одним, а со многими.

— Где?

— Возле Генисарета. По пути Его следования на обочины со всех сторон сносили больных, и те, которые прикасались к Его одежде, сразу исцелялись. Из одного только нашего селения двенадцать человек исцелилось.

— От прикосновения!.. У нашего сотника Он единственного сына поставил на ноги словами: ступай, сын твой здоров. И болезнь как рукой сняло.

— Это где же такое было?

— В Капернауме.

— А дочь Иаинову вообще, говорят, уже умершую оживил.

— Говорят!.. Мы своими глазами видели, как Он при всём честном народе во время похорон единственного сына одной нашей вдовы воскресил!

— Где?

— В Наине! Вы разве не слышали?

— Может, и слышали, да мало ли что наговорят, не всему же верить! Теперь будем знать, что так оно и было. Или не было?

— Как это не было? Стал бы я врать! Да знаете, сколько нас таких, кто это своими глазами видел? Все до одного на праздник пришли, чтобы Его послушать, и вдова, и сын её. Да вон они, вон, видите у обочины стоят? И не только те, кто видел, пришли, но и те, что две недели ходили на этого парнишку смотреть. А вы — не было! Спросите кого хотите. У нас об этом весь город знает. Пришли бы мы сюда просто так! Всего-то сказал: юноша, тебе говорю, вставай. И тот, как кто булавкой ткнул, сел в гробу! Глядит по сторонам. Глаза во! Мать в обмороке рядом лежит. Бабы от радости слёзы утирают. У меня ком в горле встал! Да что говорить! Это надо видеть! А вы — чародей!

— А Лазаря! Отвалили, говорит, камень от гроба. Мы отвалили, а оттуда смрад, мы давай носы платками зажимать, а Он всего-то и сказал: «Ла-

зрь, гряди вон». И вышел умерший, и смрад мгновенно исчез.

– Да ну!

– Вот те и ну! Кого хочешь спроси, полгорода на Лазаря смотреть ходило. А вон и сам он.

– Кто?

– Лазарь.

– И не побоялся прийти.

– А в чём дело?

– Да ходят слухи, что и его хотят убить.

– Кто?

– Известно кто...

– А я слышал, Лазарь после воскрешения чего в рот ни возьмёт, всё ему горьким кажется.

– Надо думать: горше смерти ничего нет. А вы – чародей!

– И то! Вы слышали, чтобы пять тысяч голодного народу какой-нибудь чародей пятью хлебами и двумя рыбами накормил? Я сам этот хлеб ел и рыбу!

– И я, и я, и мы...

– А мы слышали, что изгнанные Им из нашего земляка бесы вошли в свиней и всех в море утопили.

– А мне у колодца Иакова сказал, что у меня было пять мужей, и тот, с которым теперь живу, не муж мне. И про воду живую сказал, да я не поняла, а потом вспомнила, что я и про ту, за которой пришла, поговорив с ним, сразу позабыла. И даже про ведро у колодца не вспомнила: так мне Его слова в душу легли. А когда за водой шла, ужас как пить хотелось!

– А мне сосед рассказывал: когда они плыли на лодке ночью по Тивериадскому морю в бурю, видели Его идущего к ним по воде.

– Да ладно!

– Не веришь, любого из сыновей Зеведея спроси. Они тоже в той лодке были и видели, как по одному Его слову Симон Ионин вышел из лодки и пошёл к Нему по воде, как по суше, да сдрейфил: уж больно ветер шибко волнами играл. И стал тонуть, да опять же Он утонуть не дал. А вы – чародей!

– И то верно, не гневил бы Бога! Чего и кому Он плохого сделал? Слова от Него худого никогда не слышали, а вы – чародей!

– Чего толкаешься?

– Не одному тебе слушать! Мы тоже послушать хотим: мы издалека.

– Откуда будете?

– Из Эдессы.

– Уж не из той ли, где князь Авгарь?

– Да. А что?

– Да разве вы не слышали о чудесном портрете, который остался на полотне, что «пророк из Назарета» к Своему лицу по просьбе вашего князя приложил?

– Что-то такое говорили, да мы подумали, сказки, мало ли чего наговорят.

– Сказки! Да я своими глазами видел. Вот так вот взял и приложил к своему лицу полотно, а как отнял, все ахнули. Этак ни один богмаз не намалует. Говорят, у вас от этого портрета чудеса идут.

– Это мы знаем, потому и пришли, чтобы своими глазами на Человека этого посмотреть, точно ли Он изображён на портрете, а тут вон у вас что! Что же вы за люди такие? Столько оказывается, Он для вас всего сделал, а вы Его на крест?

– Не мы, начальники наши!

– Он, говорят, субботы не чтит. А он и впрямь то одного, то другого возьмёт да исцелит в субботу. Вот они на Него и взбеленились.

– Я одного только понять не могу: если они такие набожные да правильные, почему ничего из того, что Он одним своим словом делал, за всю мою жизнь сделать не смогли? Советы давать – это они горазды (молись так, молись этак), а чтобы кого исцелить, а тем более воскресить – куда там!

– Зато теперь, смотрите, какую власть над Ним взяли.

– Неужто одолеют?

– Ни за что не поверю! Не может этого быть!

– Не может, а они ведут.

– Вы только посмотрите, что они с Ним сделали. Да разве так можно? Да Он весь в крови!

– И на голове венец терновый. И тоже из-под шипов кровит!

– Сволочи!..

– Тише ты, услышат, и тебя на кресте рядом поставят.

– И пусть!

– Ишь какой храбрец выискался!

– И выискался!

– Смотрите, смотрите, упал!

– Ещё бы не упасть под этакой тяжестью! Знаете ли, сколько этот крест весит?

— Смотрите-смотрите, на Симона Киринейского крест взвалили!

— А эти сами несут.

— Вот уж кого не жаль!

— А ну тише там! Ишь, разгалделись!

— А ты нам что за начальник?

— Я вот сейчас скажу кому следует, так сразу узнаете, что я за начальник! Суду виднее. Если осудили, значит, есть за что. Суд не ошибается. Всю ночь заседал, не вот с бухты-барахты, всё по закону.

— По какому такому закону, чего ты мелешь?

— Это вы мелете, потому что закона не знаете. Правильно про вас говорят: проклятые вы все!

— Это мы проклятые? А ну, ребята, тащи его в кусты! Мы тебе сейчас покажем, какие мы проклятые!

— Караул!

На крик подбежал сопровождавший шествие римский воин с обнажённым коротким мечом.

— В чём дело? А ну отпустили его! Я кому сказал? А ну отошли! Идите-идите, не оборачивайтесь. Чего они от тебя хотели?

— За пророка из Назарета слово держат.

— Поздно слово держать, раньше надо было об этом думать!

— Смотрите, Лобное место!

— Голгофа!

— По-вашему — Голгофа, а по-нашему — Лобное место.

— Хоть по-вашему, хоть по-нашему, а хуже места на свете нет!

— И то верно.

Но более в этой разношёрстной толпе было злорадства, насмешек и ругательств. Слезы проливали только знавшие Иисуса женщины. Невзирая на строгое запрещение выказывать сочувствие осуждённому, они бесстрашно сопровождали с обеих сторон своего любимого Учителя и даже во время вынужденной остановки, когда Он упал под тяжестью креста, сподобились услышать от Него: *«Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, плачьте о себе и детях ваших...»*

Когда шествие остановилось перед Голгофой, поднятым на её вершину осуждённым предложили напиток из сухого вина и смирины, от которого происходило помрачение рассудка и относительная нечувствительность к боли. Но Иисус не стал пить.

Меж тем на вершине холма, напоминавшего голый череп, в земле уже были выдолблены отверстия для установки крестов. По требованию внимательно наблюдавших за приготовлениями представителей синедриона кресты следовало установить так, чтобы распятые были обращены лицами к храму, а крест «главного злодея» посередине.

Стук молотков, вбивающих большие кованые гвозди в руки и ноги распинаемых, возвестил о начале чудовищной казни. Толпа умолкла, одновременно вздрагивая и ахая, когда один за другим водружали на место кресты.

Час был уже третий (по иудейскому исчислению, а по-нынешнему около девяти утра).

По распоряжению Пилата на кресте Иисуса была прибита табличка с надписью на еврейском, греческом, римском: «Иисус Назорей Царь Иудейский». И хотя члены синедриона убедительно просили, чтобы к началу надписи было прибавлено местоимение «Я», в отместку за перенесённые унижения с высокомерием римского вельможи Пилат обронил: «Еже писах, писах».

После распятия римские воины по обычаю принялись делить между собою одежду казнённых, раздирая каждую вещь на части. Когда же в их руках оказался сотканный сверху донизу Матерью Иисуса хитон, не желая испортить хорошую вещь, бросили о ней жребий.

Глядя на беснующуюся толпу, с окровавленных, распухших уст Иисуса слетело угаданное по движению губ не сводившей с Его измученного, обезображенного гематомами и запёкшейся кровью лица скорбных очей Матерью:

— Отче, прости им, ибо не ведают, что творят.

Народ же стоял и смотрел.

Архиереи, книжники, старейшины, саддукеи и фарисеи насмехались:

— Других спасал, а Себя не может спасти!.. Если Он Царь Израиля, пусть сейчас сойдёт с креста, и уверуем в Него!.. Уповал на Бога: пусть избавит Его, если Он угоден Ему!.. Ибо сам сказал: Я Сын Божий!

И проходивший вереницей мимо креста народ с насмешками кивал головами:

– Эй! Разрушающий храм и в три дня созидающий! Спаси Себя самого, сойди с креста!

И подносившие уксус воины издевались:

– Если Ты Царь Иудейский, спаси Себя!

Злословил и распятый по левую сторону Иисуса разбойник:

– Эй, если Ты Христос, спаси Себя и нас!

Находившийся по другую сторону разбойник унимал подельника:

– Ужели ты не боишься Бога, когда и сам на то же самое осуждён? И мы с тобой по делам своим получили, а Он никому ничего плохого не сделал. – И, обратив страдальческий взор к Иисусу, сказал: – Помяни меня, когда придёшь в Царство Твое.

И тут же услышал в ответ потрясшее до глубины души:

– Истинно говорю тебе, сегодня будешь со Мною в раю.

Кроме Божией Матери, впереди толпы, окружившей распятия, стояли, не сводя глаз с истерзанного Иисуса, Мария Магдалина, Мария Клеопова и всего лишь один из учеников.

Глянув на него, Иисус перевел взгляд на Мать и произнёс таким же слабым голосом, не сомневаясь в том, что это будет правильно понято:

– Это сын Твой!

А затем таким же образом обратил страдальческий взор к своему любимому ученику:

– Это Мать твоя!

И от того часа взял Её ученик восвояси.

От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого.

Многие из пришедших на казнь прекрасно знали, что во время мартовского полнолуния солнечного затмения не бывает, и с тревогой наблюдали за непонятным явлением, не предвещавшим ничего хорошего. Но и те, кто не знал об этом, почувствовав неясную тревогу, умолкли.

В девятом часу возопил Иисус громким голосом: – Или, Или! Лама савахвани!

Стоявшие рядом с крестом архиереи решили, что Он зовёт на помощь пророка, и сказали:

– Илья зовёт!

А находившийся у подножия креста воин решил, что Иисус просит пить. Наполнив губку уксусом и наколов на трость, он уже хотел поднять её к устам распятого, когда был остановлен архиереями:

– Постой, погоди, посмотрим, придёт ли Илья спасти Его.

Иисус сказал: жажду!

И тогда стоявший с приготовленной тростью воин тотчас исполнил Его последнее желание.

Утолив жажду, Иисус произнёс последние в своей земной жизни слова:

– Свершилось! Отче! В руки Твои предаю дух Мой!

И, преклонив главу, испустил дух.

Вокруг ходуном ходила земля под ногами обезумевшей от страха толпы, раскачивались из стороны в сторону кресты с распятыми, с высоких стен Иерусалима куда попало летели камни. Ураганный ветер безжалостно хлестал поднятым столпом пыли по лицам людей, стоявших у крестов. Ветер гнал толпу, которая ринулась прочь от Лобного места, она не разбирала дороги, сметала всё на своём пути, сбивала с ног впереди бегущих, перепрыгивая через них, наступая или спотыкаясь о них. Бежали люди, ослы, лошади, верблюды, – бежали все. По воздуху неслись застигнутые ураганным ветром птицы и падали с изломанными крыльями под ноги бегущим.

С уст устрашённого творившемся вокруг центуриона слетело:

– Воистину Он был Сын Божий!

Брошенные трусливой челядью архиереи с ужасом наблюдали за происходящим. На всё это они повлиять уже не могли, смутно предчувствуя и то, что следом начнётся. В настоящую минуту меж ними не было и тени того единодушия, которое притащило их на Голгофу.

Как бы то ни было, а начатое следовало довести до конца. Когда утихла буря, они жалкой группой притащились к Пилату и стали униженно просить ради приближающегося праздника

ускорить наступление смерти сокрушением голени распятых рядом с умершим Иисусом.

Узнав от центуриона, что «Человек тот уже умер», Пилат отдал распоряжение о завершении казни.

А в пределах земных всё уже было кончено! Сокрушены голени разбойников, и тела их безжизненно висели на вбитых в руки гвоздях. Ударом боевого копья были пронзены рёбра Иисуса. Из освобождённой от копья раны истекла «кровь и вода». После утихшего урагана тьма наступалась, и утомлённое солнце клонилось к горизонту. На лобном месте дожидались снятия и погребения распятых центурион с двумя воинами, храмовая стража да представитель синедриона, которому было поручено проследить за тем, где будет похоронен «пророк из Назарета».

Божия Мать, Мария Клеопова и Мария Магдалина вместе с единственным учеником пребывали в тревожном ожидании, то и дело поглядывая в сторону Иерусалимских ворот. Но вот наконец из них торопливо вышли двое. Оба в преклонных годах, оба седые, оба богато одетые. Это были члены синедриона — Иосиф Аримафейский и «страха ради иудейска» посещавший по ночам Иисуса Никодим. Они несли со многими слезами испрошенное у Пилата разрешение на снятие с креста своего Учителя и погребение Его в новом высеченном в скале фамильном гробе Иосифа. Никодим ходил с «Благообразным советником» к прокуратору, чтобы придать просьбе больше авторитета, и тем самым обнаружил себя перед не знавшим пощады для отступников синедрионом. После того, что оба законоучителя увидели сегодня собственными глазами, они уже не боялись смерти. В руках Иосифа была погребальная плащаница, Никодим нёс алавастровый сосуд с благовониями. Оба спешили. Надо было успеть совершить обряд погребения до начала празднования пасхи.

Предъявили центуриону письменный приказ Пилата. С помощью римских воинов крест с распятым Иисусом был извлечён и бережно опущен на землю. Далее следовало освобождение рук и ног от гвоздей. Всё было предусмотрено для этого. И, когда гвозди извлекли,

окровавленное тело бережно перенесли на расстеленную на коленях Божией Матери плащаницу. Пречистая Дева не сводила с любимого Чада слезившихся скорбных очей. Вместе с нею плакали остальные.

Центурион стоял с опущенной головой. Думал. Он не боялся того, что ожидало его за открытое исповедание снятого с креста Сыном Божиим. Центурион знал: если не свои — и скорее всего не они, а те, что обрекли Сына Божия на позорную казнь, — но обязательно донесут. И прокуратору не останется ничего, как только после допроса предать подчинённого смерти через усечение мечом. Но что было для поседелого в битвах воина усечение мечом? Миг! А вот смерть на кресте... Нет, он будет просить себе именно такой казни.

Подошедший к центуриону воин испросил разрешение на захоронение снятых с крестов злодеев. Центурион кивнул. Под присмотром одного из воинов архиерейская челядь за руки стащила с Лобного места тела разбойников в приготовленные неглубокие ямы и принялась засыпать перемежающейся камнями землёй.

«Пора, Матушка, иначе не успеем», — уже в который раз повторил Иосиф.

И, как только за края плащаницы было поднято тело возлюбленного Сына и Бога, Пречистая уже не могла удержать рвущихся из груди рыданий, головной покров скатился на Её плечи, волосы растрепались, из уст поминутно срывались горшие смерти причитания.

Центурион с оставшимся не у дел воином следовали за ними. Сзади плелась безразличная ко всему от усталости храмовая стража с представителем синедриона.

Высеченный в скале гроб находился неподалёку. Перед входом лежал огромный камень. В таких склепах хоронили только именитых особ. Мало кто мог позволить себе такую роскошь. И представителя синедриона начинало коробить при виде неподобающего, по его мнению, места захоронения «пророка из Назарета». Он бы сделал всё, чтобы этому помешать, но было на то распоряжение прокуратора Иудеи, вступать в конфликт с которым было себе дороже, да ещё в присутствии исповедавшего распятого Сыном Божиим центуриона. Даже несмотря на то что архиерей-

рейская стража численностью превосходила римских воинов вдвое, и представитель синедриона, и сами стражники прекрасно понимали, что против римлян им не устоять.

«Да, но как посмел дерзнуть на такое Иосиф? А Никодим? Они что, о двух головах?» — думал представитель синедриона и уже потирал руки, предвкушая низложение и предание смерти через побиение камнями обоих.

Однако время поджимало. Солнце уже коснулось горизонта. Ещё несколько минут — и обряд погребения будет прекращён храмовой стражей по иудейскому закону.

Пречистое Тело поспешно облили благовоениями и, завернув в плащаницу, бережно внесли в склеп и положили в высеченную из камня посредине гробницу.

Последней из гроба вышла Божия Матерь. В поднятии с земли огромного камня приняли участие и сотник, и римский воин, и храмовая стража. После того как вход был закрыт, представитель синедриона вместе со стражей покинули место погребения, чтобы успеть к праздничному столу.

Солнце уже опустилось за горизонт. Следом за храмовой стражей место погребения покинули римские воины с центурионом. Ещё какое-то время стояли у гроба остальные, а затем и они пошли.

Утирала бежавшие по щекам слёзы Мария Клеопова, плакала навзрыд Мария Магдалина. Смахивали скупые старческие слёзы Никодим с Иосифом. Горько плакал любимый ученик. И только глаза Божией Матери на этот раз были сухими. Таинственным образом возлюбленный Сын вдохнул в её сердце надежду, до исполнения которой она не скажет никому ни слова.

Владимир Аркадьевич ЧУГУНОВ

родился в 1954 году в Нижнем Новгороде.

*Окончил Литературный институт им. А.М. Горького,
Нижегородский педагогический университет.*

Протоиерей Русской православной церкви.

Прозаик, драматург, публицист.

Автор многих книг, которые выходили в России, Сербии, Италии.

*Печатался в журналах «Москва», «Наши современники»,
«Роман-газета», «Слово», «Север», «Вертикаль. XXI век»,
«Родная Ладога», «Дальний Восток», «Бийский вестник» и др.*

Лауреат Международной литературной премии им. Ф.М. Достоевского,

*Всероссийских литературных премий
им. Александра Невского, им. М. Горького и др.*

Награждён медалью имени В.М. Шукшина.

Член Союза писателей России.

